

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Дельфина Бертолон

Та, что приходит ночью

Карен Макквесчин

Проклятие Гримм-хауса

Александр Матюхин

Город Спящих

Олег Кожин

Игра в куклы

Линдси Карри

Царап-царап

Елена Усачёва

Мёртвая свадьба

Эва Франц

Малиновый холм, или Дом страха

Лада Кутузова

Гиблые волы Заручья

Кристофер Кроватин

Ровер

Мартин Стюарт

Ящик с проклятием

Линдси Дьюга

Призрак в свете фар

Аника Мроуз Рисси

Давай играть

Александр Матюхин

Пожиратели грёз

Новые истории совсем скоро!

ЕЛЕНА УСАЧЁВА

МЁРТВАЯ СВАДЬБА

Москва
2024

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У74

Иллюстрация на обложке *Юрия Щербакова*

Усачёва, Елена Александровна.
У74 Мёртвая свадьба / Елена Усачёва. — Моск-
ва : Эксмо, 2024. — 272 с. : ил. — (Дом тьмы).
ISBN 978-5-04-197797-9

Всю жизнь прожил Толик в своём селе — а его секреты не знал. Не знал, что, оказывается, 50 лет назад здесь, накануне свадьбы, утонул парень. И что проклятие, отправившее его на дно, никуда не делось. Достаточно оказалось пустяка: появления новеньких. Одна из приехавших девчонок — необыкновенная красавица. Вот на неё-то проклятие и перешло. Теперь новенькая того и гляди отправится на дно озера, венчаться с мёртвым женихом... И кажется, в этой истории не обойдётся без Толика. Кажется, старая тайна имеет к нему какое-то отношение... и запросто утащит под воду и его.

УДК 821.161-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-197797-9

© Усачёва Е., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Глава первая

Утро Толика

В каждой деревне есть традиции. Где-то по утрам у колодца ледяной водой обливаются. Где-то по ночам в бане страшные истории рассказывают.

Была своя традиция и в заонежском селе Великая Губа. Звали её Толик. Ещё только первые петухи отпели, ещё только солнце коснулось пыльного листа герани на подоконнике, а его лохматая голова уже мелькала в окнах домов местных жителей. А как мелькнула она, так и хозяин головы вместе с ней появлялся на пороге комнаты. Оглядывал деловым взглядом пространство, хитро прищуривался и начинал:

— А у Катьки уже завтракают.

— Иди отсюда, — бурчали из-под подушки. Или из-под одеяла. А иногда и из щели между кроватью и стеной. Всё зависело от того, куда обитатель комнаты успевал спрятаться. Но от Толика так просто не утечешь.

— Прикинь, тетя Валя сырников нажарила. Вкуснотища! — говорил Толик и хлопал себя по впалому животу. Много сырников туда явно не попало. Если вообще хоть один достался.

— Ну и что? — ещё сопротивлялся как будто бы спящий, но на самом деле проснувшийся Игорёк Григорьев, — а в это утро Толик забежал сначала именно к нему.

— Катька и так толстая, — протянул Толик и широко улыбнулся. — Куда ей?

Игорёк обречённо сел в кровати.

— Отвали, а?

— А ещё, — Толик облокотился о косяк двери, — корова у баб Ариши охромела.

— И чего? — зевал и чесался проснувшийся.

— Отстанет от стада. Искать её потом. А кого пошлют? — развёл руками Толик. — А кого надо, того и пошлют.

Мёртвая свадьба

Игорёк покосился недовольно. У баб Ариши самое вкусное молоко, брали по очереди, и как раз сегодня его очередь подходила. Ещё нескладное со сна тело залезло под кровать в поисках шлёпанцев.

— А водички у тебя нету? — снова почесал свой тощий живот Толик. — Пить хочется, удержу нет.

— В чайнике, — отозвался из-под кровати Игорёк.

Было слышно, как булькнула вода, как звякнула кружка. А потом соломенная голова Толика мелькнула вдоль парадных окон дома и исчезла.

Через какое-то время — с часами никто не стоял и за Толиком преданно не бегал, но село Великая Губа большое, поэтому от одного нужного дома до другого за пять минут точно не дойдёшь, да и за десять можно не добраться, а если талант проявить, так и все полчаса станешь круги нарезать, — так вот через какое-то время Толик оказался около следующего дома. И всё по традиции: сначала голова в окне, потом персона на пороге.

— Вы ещё спите? — протянул он, и сквозь его лохматые волосы пробилось раннее солн-

це, заглянувшее в дверной проём поверх соломенной макушки. — А у Григорьевых уже встали. Мать бутерброды строгает.

— Зачем? — донёсся из-под одеяла вопрос.

— Так он идёт сегодня баб Аришину корову ловить.

— Зачем? — не утруждала себя разнообразием вопросов спящая, а на самом деле уже никакая не спящая Сонька.

— Так она охромела, может отстать.

— Было бы где отставать, — фыркнула Сонька и бодро перевернулась на другой бок, заставив пружины скрипеть, а тело подпрыгивать. — Коровы дальше берега не ходят.

— Ну, — поддакнул Толик и, сменив опорную ногу с левой на правую, привалился к косяку. — А новеньких видела?

— Кто там ещё? — зевнула Сонька, сквозь слипающиеся ресницы глядя на пыльное окно, в которое уже билась трудолюбивая муха.

— Так к бабе Свете приехали. Они вчера у магазина стояли.

— Парни?

— Кажись, сёстры. Одна высокая, другая младшая.

Мёртвая свадьба

Сонька фыркнула и потянула одеяло на голову.

— Видела. Они уже два дня тут. С чего ты взял, что это сёстры?

— Так похожи.

— Что? — разлепила глаза Сонька. — Где ж похожи, если одна дылда, а другая коротышка. На одну без слёз не взглянешь, а вторая ничего.

Толик хмыкнул, подумал о чём-то своём и скользнул вон из избы.

— А зовут-то их как? — приподнялась в кровати Сонька.

— Ирка и Маринка, — крикнул Толик из сеней, а потом голова его традиционно мелькнула в окне: — Их бабка так кликала вчера вечером. А молока дашь?

— Да иди ты! — отмахнулась Сонька и полезла под кровать за шлёпками.

Толик шагал дальше, прикидывая маршрут. Можно было сразу домой, но тогда он успевал заглянуть только к Кольке. Если сделать крюк по Зелёной улице, то можно было заскочить к Ритке, а заодно глянуть на новеньких. Они ещё не очень обжились и дальше магазина не ходили. Городские — это всё,

что о них знали. Ещё имена. Но это было не самое интересное.

Толик пробежал мимо своего поворота и рванул по улице прямо. Навстречу шла задумчивая корова. Остановилась, потёрлась боком о фонарный столб. Похожа на баб-Аришину, но не хромая.

Около забора бабы Светы стояла Ритка и чесала обожжённую крапивой голую ногу другой голой ногой. Эта другая нога была изрядно покусана, на икре звёздной россыпью красовались комариные отметины. Толик прокрался за спиной соседки и присел на корточки около забора, его глаза оказались как раз над нижней перекладиной.

— Что тут? — прошептал он.

Ритка взвизгнула, отпрыгнула от забора, чуть не отломав от него рыхлую штакетину.

— Вот, чёрт, напугал, — она бросила в него щепку и сменила ногу чесания. — Подкрался, как...

— Не бойсь, — ухмыльнулся Толик — он любил, когда кто-то чего-то от него не ожидал. — Пойдём сегодня на рыбалку?

— Делать мне больше нечего, — повела плечом Ритка, сбрасывая с этого плеча лохматую рыжую косу.

Мёртвая свадьба

Отказ вызвал в Толике повышенную радость, он разулыбался от уха до уха.

— Говорят, ряпушка пошла, — доверительно сообщил он. — Или плотвы натаскаем.

— Да иди ты, — отвернулась Ритка. — Летняя ряпушка рыхлая, а у меня дела.

— Дела у неё, — беззлобно протянул Толик, — с сестрой в коляске ходить.

— Ах ты! — Небольшая крепкая ладонь впечаталась в тощее Толиково плечо. Толик покачнулся. Вместе с ним покачнулся забор. В деревянной конструкции что-то треснуло.

Толик отбежал в одну сторону. Ритка в другую. Угодила в крапиву, зашипела, заперевирала ногами, ища некусачее место.

— Кто там? — крикнули из дома.

На ступеньки вышла высокая худая девочка. Она уцепилась за столбик крыльца, свесилась вперёд. Светлые волосы были собраны в хвост. Короткий сарафан не прикрывал острых коленей. Первый загар тронул её щёки, рассыпал веснушки по носу, делая лицо очень красивым.

— Корова, — протянула она, вглядываясь в густую зелень зазаборья. — Тут у них сплошные коровы. Впервые вижу, чтобы коровы ходили одни по улицам.

— Но они же вместе.

Из темноты сеней выглянула ещё одна девчонка, невысокая и бледная. Черты её лица казались как будто стёрты: светлые ресницы делали глаза невыразительными, тонкие губы были почти незаметны, а острый нос с глубокими складками рождал сходство с грустной совой. По виду нельзя было сказать, кто из них старше. Сонька была права: одна выше и ничего себе, другая ниже и полная печаль.

— Ага, вместе. — Девушка у столба вдруг рухнула своим тощим телом на ступеньку, уселась, натягивая сарафан на коленки. — По улице не пройдёшь, сплошные какашки.

Её невысокая сестра перекатила в пальцах маленькое красное яблоко и задумчиво улыбнулась. Высокая вывернула шею, чтобы посмотреть на неё.

— Что молчишь?

— Мне кажется, на нас смотрят, — ответила невысокая, всё так же неприятно улыбаясь.

— Коровы! — Высокая выхватила из рук сестры яблоко и запустила в забор.

Толик рванул через лопухи к дороге. Ритка скакала за ним, ухитряясь наступать в каждую крапиву.

Мёртвая свадьба

— Во ведьмы, прям почували, — довольно потёр руки Толик.

— Сами они коровы, — недовольно буркнула Ритка, расчёсывая новые укусы крапивы.

— Их зовут Ирка и Маринка, — сообщил Толик. — Так баба Света вчера кликала. Та, что выше, Ирка. Она сумку тащила из магазина.

— Да ну их, — Ритка побежала к своему дому. — Сразу видно, дикие. Будут на участке сидеть и не высунутся. Только до магазина и обратно.

Толик побежал за ней. До поворота им было по пути.

— Яблоки жрут с утра. Надо же! — крикнул он, на ходу потирая впалый живот. — Ты куда?

— Мать велела с сеструхой посидеть, пока она на огороде будет.

— Я тоже домой, — Толик свернул на свою улицу. — После обеда приходи купаться.

— Если время будет. Мать про сено что-то говорила.

Толик махнул на прощание рукой и пустил по улице.

Родной дом он мог найти с закрытыми глазами по звуку: с раннего утра из запах-

нутаго окна слышался стрёкот швейной машинки. Склонённая мамина голова. Лицо светлое, чистое, а взгляд настороженный. Она почему-то всегда так смотрит. Словно опасается чего.

— Толь, почему не позавтракал? — крикнула мать, не отрываясь от шитья.

— Я у Катьки сырников поел, — Толик устроил локти на подоконнике. Солнце приятно грело затылок и спину.

— Про огород помнишь?

Стол был завален разноцветным материалом. Гора хлопка и сатина двигалась, шевелилась, дышала.

— Я вечером на рыбалку. — Толик с улыбкой смотрел на мать, на то, как быстро бежит ткань под её руками. В какой раз удивлялся её тонким красивым пальцам.

— Вот переломаю я твои удочки, будешь знать, — отозвалась мать, недовольно качая головой.

Машинка продолжала строчить, ткань по столу ползла, и казалось, что это сам стол двигается. Не переставая давить на педаль привода, мать вдруг сунула руку в ворох тканей и что-то выбросила в сторону окна.

Мёртвая свадьба

— Светлане Егоровне отнеси. Она просила передник прострочить.

Толик перехватил тряпку, крутанул в кулаке, рассматривая. Фартук был сделан из светлой ткани, но не новой, а пожившей. Была в ней какая-то историчность. И тесёмки затёртые. Зачем такое прошивать?

Мать кивнула, угадав мысли сына.

— К ней внучки приехали. Она старый передник под них перешивает. Хочет их хозяйству учить.

Мать подняла прижимную лапку, оборвала нитки о резец, посмотрела на получившийся шов. Быстро сплюнула через левое плечо, прошептала приговор. Толик ухмыльнулся. Мать была полна присказок, поговорок, примёт; если ей что-то казалось, она непременно плевала через плечо и стучала по дереву. Ну и заговор бормотала.

— А внучки не родные, — неожиданно сказала мать. — У неё-то самой детей нет.

— Почему? — Толик не понял, зачем ему это сказали.

Мать подняла на него глаза:

— Убежишь, опять ничего не сделав, ой, перелломаю я твои удочки.